

Песни Плещеева озера

Гудит набат. Надрывно, тягуче. Тяжёлые, тревожные звуки плывут над городом. Дыбятся возле частоколов, заползают во дворы боярских хором, бьются о затянутые жёлтыми бычьими пузырями оконца срубов житых людей. Из узких улочек толпы стекаются на Красную площадь.

Князь переяславский речь держит:

— Люди! Стонет Русь. Ограбили, оголили её орды татарские. Города в развалинах, поля быльём поросли. Стонет Русь, теперя силы собирает. Челом бьём... В поход зовём. Постоим, люди, за Отечество?

— По-сто-им!..

Гудит площадь. Гудит набат.

— Борька! Сынок! Проснись. На молитву пора. Небось, регент уже в церкви. Гнев, не дай бог, навлечёшь.

Борька осовело смотрит, трёт кулаками заспанные глаза и опять падает на подушку. А мать снова:

— Боренька, родимый. Не ради Христа!..

В окна брезжит мутный рассвет. Надрывные удары колокола зовут к заутрене.

Хвост прихожан аж на паперти. Нищие, калеки вымаливают подавание. Пора начинать. Регент Аркадий Аркадьевич нервничает. Вскинул руки. Пальцы выделывают чуть заметный пляс. Злыми с похмелья глазами вглядывается в хор: певчие в сборе. Нет одного. А... вот и он, на локтях пробирается к клиросу.

— Я тебе, бесов сын, давай тон!

— Иже еси на небесех, да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя... Аркадий Аркадьевич из-под колючих бровей:

— Убери дрожь!

Мальчик от страха и волнения жмётся в комочек, напрягается изо всех сил. Под своды церкви летит «петух».

— Нюня! Распустил сопли, — отчитывает потом. — Не выйдет из тебя певчего.

Дома уговаривают:

— Дурачок. Потерпи. Авось, и ты в служители выбьешься. Будет на всю жизнь прокорм...

А Борька услышит где пение и стоит сам не свой. Околдовывают, заворачивают чарующие звуки. Не дают покоя. Из своей груди просятся на простор. А песен нет. Уйдёт куда-нибудь подальше на берег озера и выводит на разные лады:

— ...Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наши, яко же и мы-ы-ы...

И вдруг весь Переславль заговорил: приехал новый коммерческий директор фабрики Владимир Николаевич Николаев. Очень музыкальный и одарённый человек. Будто друг самого какого-то Ипполитова-Иванова. Аж в Италии учился пению. Долго стоял Боря Былинин возле калитки его дома. Робел. Позвонил. Вышел просто одетый мужчина, а глянул и покорило доверчивостью, и глаза улыбаются. «Прислуга, наверное».

— Мне бы господина Николаева

— Я и есть. Только и никакой я не господин, а просто Владимир Николаевич... А ты как насчёт рыбалки?

— Ой, конечно!..

— Да у тебя же густой баритон. А ты пробовал петь? А ну-ка, ну-ка. — И сам повёл:

— Не слышно шу-ма го-род-ского.

— О нет, это тебе, пожалуй, не подойдёт. Давай-ка вот что попробуем: «Уймитесь, волнения страсти...» Михаил Иванович Глинка, «Сомнение» называется. Романс. Давай, давай. На меня не смотри. Будто нет.

— Уймитесь, волнения страсти, засни, безнадежное сердце, я плачу, я стражду, душа истомилась в разлуке...

— Да, брат, чудесный голос, но, боже мой, Боря, какое уродство: дыхания нет, паузы не выдерживаешь... Вам надобно учиться, очень много учиться. И не только искусству пения. Глубоко познать музыку, народный фольклор, повышать общую культуру. Только тогда можно постичь совершенство. А о соборе забудь...

Четыре года продолжается дружба с этим замечательным человеком. Вместе разучивают партитуру, по воскресеньям надолго уходят бродить по лесу, на озеро. Борис жадно ловит каждое слово. Натура Владимира Николаевича — широкая, добрая. Он осторожно, по лесенке поднимает его мастерство. Самыми незабываемыми часами бывают те, которые проводят за роялем.

— ...Не выплакать горя в слезах. Напрасно надежда мне счастье гадает, не верю, не верю...

Учитель смотрит на одухотворённое лицо ученика: «Матушка Русь! Сколько же в тебе талантов! Вот он, безграмотный парень, но какое у него чутьё образа, какая сила и драматизм в передаче чувств!»

Успехи несомненны, но бывают и срывы, неудачи, иногда дело доходит до отчаяния. Хочется бросить всё и бежать куда глаза глядят, только бы не видеть этой противной чёрно-белой клавиатуры. И опять приходит на помощь незабвенный учитель.

Дома у Былининых радость: купили гитару, балалайку, мандолину. Девочки Шура, Наташа, Зина, Лена, Люба во главе с братом-«дирижёром» сначала просто тренькают, потом что-то из этой кутерьмы начинает вырисовываться. Разыгрывают маленькие музыкальные картинки. Вдруг на семью обрушиваются одна за другой неприятности. Отец стал было приторговывать, лавку небольшую открыл. Последние гроши в неё вложил. В трубу вылетел: конкуренты-купцы слопали. Пошёл в сторожа. А тут ещё Аркадий Аркадьевич с опалой: перестал замечать. Старший-Былинин — уравновешенный, добрый. Гордился детьми и в сыне талант видел. А тут не выдержал, взорвался:

— Вбил дурь в голову. Жрать нечего, а он со своей музыкой...

Ходил мрачный, мерял избу. Высокий, могучий, будто сам Илья Муромец. Только что толку с его богатырской силы! Глядел Борис на тятю: жалко, мучается. Эх, жизнь-тоска! А сколько таких вот, как они, семей в городе спать ложатся неужинавши! И почему такое неравенство? Купчихи со своими чадами, как сыр в масле, купаются. Встретишься — морду воротят в сторону.

И вдруг! Забурлили, заликовали толпы народные. Засияли лицами. Улицы зацвели красными флагами. А за высокими заборами — страх, переполох. Борис Былинин собирает всех, кто хоть немножко держит в руках инструмент. До одури репетируют. Нестройные мелодии пугают зябкую осеннюю ночь. А утром делает городу побудку первый самодетельный оркестр:

— Вставай, проклятем заклеянный, Весь мир голодных и рабов!..

Новым организациям нужны кадры.

Приняли в райфо счетоводом.

Зато вечером Борис полностью, с самозабвением отдаётся любимому делу. Руководит струнным оркестром. Сопровождают немое кино. Ставят концерты. Он хорошо помнит слова своего учителя: «Искусство должно принадлежать широким народным массам». На вырученные деньги приобретают инструменты, костюмы. Воистину велик и могуч русский народ! Неисчерпаем, многообразен и самобытен его талант. Пришёл в оркестр маленький чернявый мальчишечка Вася Васильев. «Вась-Вась», как потом звали все своего любимца.

— Что умеешь?

— Пока ничего...

Стал превосходно играть на мандолине. Лёня Ключарёв уже через несколько месяцев виртуозно играл на скрипке, до этого же её не видел. Ближайший друг Бориса Витя Борисовский, сегодняшней врач-оториноларинголог Большого театра — вместе у Владимира Николаевича учились — стал неподражаемым Ромендадо. С первых же дней покорила всех своим густым и мягким басом Толя Кузьмин, впоследствии ставший известным архитектором. А ведь всё это были простые мальчишки-недоучки, окончившие с грехом пополам церковно-приходскую школу.

А слава о голосе Бориса Былинина уже летит на крыльях. Его выступления пользуются огромным успехом. Певца приезжают послушать крестьяне за много вёрст. Друзья создают

театр драмы, ставят «Лес», «Не всё коту масленица», театр юного зрителя. При них оркестр из 38 человек и хор — в семьдесят.

Однажды Борис Георгиевич был особенно возбуждён. Стоял перед оркестрантами и хором восторженный, глаза сияли. «Ну, наш гений опять что-нибудь придумал».

— Друзья! А не замахнуться ли нам на оперу?

— Bravo! Bravo! Но пойдёт ли народ — ведь разруха, голод? До того ли? Да и где костюмы?

А Былинин уже ночи напролёт просиживает над партитурой «Русалки». Вновь и вновь перечитывает драматическую поэму Пушкина. Пленён и захвачен произведением.

Шесть месяцев изо дня в день идут репетиции. Борис Георгиевич взвалил на свои плечи титанический труд. Отбирает певцов, разучивает с ними партии, ведёт постановку голосов, беседует об искусстве. Сам и режиссёр-постановщик, и хормейстер, и дирижёр, и сам Мельник. Почти вся «труппа» слушает «Русалку» в Большом театре. Увозят из Москвы трофей — сорок русалочьих костюмов.

И вот — премьера. Просмотровая комиссия из Ярославля заняла места в первом ряду. Открыла клавиры (ноты оперы с текстом). На лицах снисходительные улыбки, ожидание увидеть примитивизм. Зал замер. Полились первые звуки увертюры. Медленно раздвигается занавес.

Мельница на берегу Днепра... Богатые княжеские хоромы. Свадьба. Гости славят сокола-князя и голубку-княгиню. Крестьяне, бояре, боярышни, сенные девушки. Восемьдесят человек на сцене. Костюмы, как полагается: парча, бархат, рубище, тряпьё. А вот и сам Мельник.

— Я ворон, ворон, а не мельник...

Сцена сумасшествия и просветления потрясающа. Зал околдован, заворожён! «Неподготовленная» публика вытирает слёзы. Забыла свои клавиры комиссия.

За кулисы пришёл Аркадий Аркадьевич. Обнял, расцеловал:

— Спасибо тебе, Боря, прости меня, бога ради!

Двадцать четыре раза кряду идёт «Русалка» при переполненном зале. Двадцать четыре дня на улице люди сразу стоят в двух очередях: за хлебом и за билетами.

«С партией Мельника, — писала газета „Северный рабочий“, — Б. Г. Былинин справился как профессиональный актёр. Он обладает мягким, красивого тембра голосом, большой музыкальной выразительностью и настоящим артистическим дарованием. Что оказались прекрасные голоса, в том дива нет. Когда же они переводились в народ? Но кто учил Былинина или Музу Качанову (Наташа) работать над образом? Чутьём богато одарённых людей, никогда до этого не игравшие в театре, они поняли, почувствовали, что оперное искусство требует лепки образа по законам драмы».

А Былинину уже грезятся «Кармен», «Олеко», «Фауст». Жена и верный друг, «главный консультант» по костюмам, Нина Ивановна отправляется в табор. Ахнула публика: видано ли — на переславской сцене вместе с русскими выступают бродячие цыгане.

И вот позади целый год новой работы. За кулисами сутолока. Сто человек одеваются, гримируются, переживают. Борис Георгиевич — всех больше. На Татьяне трещит платье.

— Боже мой, Муза! (Качанова.) Осторожно, как же на «Мосфильм»-то сдавать будем!

У Ольги (Лида Крючкова) перехватило дыхание. Глокает из ковша воду.

— Лида! Что ты делаешь? Нельзя же, тяжело петь будет!

И не удержался, улыбнулся, вспомнил, как недавно открыл её дарование. Над городом опустилась знойная сенокосная ночь. Вдруг слышит: где-то прекрасное меццо-сопрано. Разбудил жену. Вскочил с постели да на улицу.

На сцене деревенская усадьба Лариных. Вечер. Дочери Татьяна и Ольга тихо поют: «Слыхали ль вы за рощей глас ночной певца любви, певца своей печали?..»

Приехал жених Ольги — Ленский, а с ним его приятель — сосед Онегин...

Пошли прелестные мазурки, легко, грациозно.

Смотрит Борис Георгиевич из-за шторы на игру актёров, и сердце теплеет. Может ли быть больше счастья — видеть воплощение своих замыслов, горячую благодарность публики?

— Вон Гремин — Виленин Жужакин. Как свободно держится на сцене, какие артистические краски! А голос — такая махина! Лирический бас. В городе на прогулке его встретил. Идёт группа ребят, разговаривают.

— Послушайте, молодой человек!

Стал Виленин одним из лучших солистов.

Вячеслава Комарова услышал в цехе фабрики киноплёнки. Стоит, облокотившись о тумбочку:

— Я встретил вас, и всё бывшее в душе моей воскресло вновь...

— Вот и я благодарю судьбу, что вас встретил. А из этой сырости — вон, и немедленно!

Зину Романычеву, обладательницу редчайшего сопрано, направил с письмом в училище имени Гнесиных. Прослушали. Похвалили. Дали задание приготовить «Купите фиалки»... Работали несколько дней над номером, проводил на автобус:

— Ну, помани моё слово: вернёшься студенткой.

Вернулась.

— Да понимаете: зашла в магазин, а там кофточки продают, красивые! Очередь. Простояла. А завтра не посмела...

— Эх ты, кофточка, — и будто камень лёг на сердце. Несколько дней не находил места.

...Город живёт музыкой...

— Не слышали, что теперь Былинин собирается ставить?

Сын-то Бориса Георгиевича, Вячеслав... Одарён парень! За два года вместо четырёх Собиновское училище окончил.

— Яблоко от яблони недалеко падает.

...Ярославль. Областной смотр. Выступает переславский оркестр народных инструментов с певцами. Жюри вручает художественному руководителю Б. Г. Былинину именные часы.

...Москва. Колонный зал Дома Союзов.

— Следующий номер — хор фабрики киноплёнки города Переславля-Залесского! Художественный руководитель Вячеслав Былинин! «Песня о песне». Музыка Вячеслава Былинина, слова Петра Сергеева...

А потом Центральный парк культуры и отдыха в Сокольниках, ВДНХ. Министр культуры РСФСР Попов дал оценку: «отлично».

В школе-интернате — учительский «Голубой огонёк». На сцене — черноголовый мальчонка. Глазёнки сверкают, серебристый звонкий голосок летит в зал:

— Солнечный круг, небо вокруг —

Это рисунок мальчишки...

Рядом седоголовый дед. Делает взмах рукой, и огромный хор вторит:

— Пусть всегда будет солнце!..

Дед гладит мальчика по голове, наклоняется, что-то шепчет. Тот отвечает кивком и ещё добавляет серебра:

— Милый мой друг, верный мой друг,

Любям так хочется мира...

Я смотрю на мальчика, на дедушку, на мужчину, сидящего за роялем, и нахожу между ними большое сходство: тот же овал лица, те же осанка, манеры.

— Борис Георгиевич! Вас! Просим! Просим!!!

— Уймись, волнения страсти, засни, безнадёжное сердце...

Да, годы своё взяли. И всё-таки сколько чувства, какое обилие красок!..

— Извините, друзья, двенадцать лет не пел перед такой многочисленной аудиторией.

А сегодня растревожили, разворошили душу. Спасибо!

...А по утрам бежит в музыкальную школу Володя Былинин. Шустрый, непоседливый, как и все дети.

И кто знает, может, растёт в нём будущая знаменитость.